

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Владимир Юрьевич Зайцев

аспирант кафедры церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Московская область, г. Сергиев Посад,
Троице-Сергиева Лавра, Академия
Valdemar19081998@ya.ru

Для цитирования: *Зайцев В. Ю.* Сравнительно-правовой анализ регулирования миссионерской деятельности в Российской Федерации и Республике Беларусь // Праксис. 2025. № 3 (20). С. 101–116. DOI: 10.31802/PRAxis.2025.20.3.006

Аннотация

УДК 266.1

В статье представлен сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере регулирования миссионерской деятельности. Рассматриваются ключевые изменения, внесенные в Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» («пакет Яровой») и редакция 2024 года Закона Республики Беларусь № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях». Автор сопоставляет подходы двух государств к определению миссионерской деятельности, пространственным пределам ее осуществления, а также к статусу иностранных миссионеров и обороту религиозной литературы. Выявляется фундаментальное различие правовых моделей: переход России к «формально-уведомительному контролю», скорректированному позициями Конституционного Суда РФ, и закрепление в Беларуси модели «превентивно-разрешительного филтра». Особое внимание уделяется влиянию выявленных правовых различий на деятельность Русской Православной Церкви в условиях единой канонической территории.

Ключевые слова: миссионерская деятельность в Российской Федерации, миссионерская деятельность в Республике Беларусь, свобода совести, религиозные объединения, Русская Православная Церковь, пакет Яровой, иностранные миссионеры, религиоведческая экспертиза, каноническая территория.

Legal Regulation of Missionary Activity in the Russian Federation and the Republic of Belarus: A Comparative Analysis

Vladimir Yu. Zaitsev

PhD Student at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

Valdemar19081998@ya.ru

For citation: Zaitsev Vladimir Yu. "Legal Regulation of Missionary Activity in the Russian Federation and the Republic of Belarus: A Comparative Analysis" *Praxis*, № 3 (20), 2025, pp. 101–116 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAxis.2025.20.3.006

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the field of regulating missionary activity. It examines key changes made to Federal Law No. 125-FZ "On Freedom of Conscience and Religious Associations" ("Yarovaya Package") and the 2024 edition of Law No. 2054-XII of the Republic of Belarus "On Freedom of Conscience and Religious Organizations." The author compares the approaches of the two states to the definition of missionary activity, the spatial limits of its implementation, as well as the status of foreign missionaries and the circulation of religious literature. A fundamental difference in legal models is revealed: Russia's transition to "formal notification control," adjusted by the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the consolidation in Belarus of the "preventive-permissive filter" model. Particular attention is paid to the impact of the identified legal differences on the activities of the Russian Orthodox Church in a single canonical territory.

Keywords: missionary activity in the Russian Federation, missionary activity in the Republic of Belarus, freedom of conscience, religious associations, Russian Orthodox Church, Yarovaya package, foreign missionaries, religious studies expertise, canonical territory.

Миссионерская деятельность, основанная на заповеди Спасителя «идите, научите все народы» (Мф. 28:19), является неотъемлемой частью служения Церкви. Однако, осуществляя это служение на своей единой канонической территории, Русская Православная Церковь действует в рамках различных правовых режимах, установленных государствами.

Особый интерес в этом контексте представляет сравнительный анализ законодательства двух стран, составляющих основу Союзного государства¹ — Российской Федерации и Республики Беларусь. Несмотря на общность правовых традиций и провозглашенных целей по гармонизации законодательства, подходы к регулированию миссионерской деятельности в двух государствах в последние годы демонстрируют существенные расхождения.

В Российской Федерации ключевые изменения были внесены в 2016 году так называемым «пакетом Яровой»², а последующая правоприменительная практика была скорректирована рядом решений Конституционного Суда. В Республике Беларусь в 2024 году вступила в силу новая редакция Закона «О свободе совести и религиозных организациях»³, кардинально изменившая правовое поле в рамках регулирования деятельности религиозных организаций, в том числе миссионерской деятельности.

Целью настоящей статьи является выявление на основе анализа ключевых правовых норм выявить принципиальные различия в моделях регулирования миссионерской деятельности, применяемых в России и Беларуси.

- 1 Договор о создании Союзного государства (Подписан в г. Москве 08.12.1999) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 7. Ст. 786.
- 2 Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее — ФЗ № 374) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.
- 3 Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (в ред. от 30.12.2023) (далее — Закон РБ о свободе совести) // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).

Концептуальные модели регулирования миссионерской деятельности: формальный контроль и превентивный фильтр

Исходя из анализа норм законодательства, сложившиеся в двух государствах подходы представляется возможным условно разделить на две модели. Если в Российской Федерации после ряда разъяснений высших судебных инстанций, о которых будет сказано ниже, сложилась практика, которую можно охарактеризовать как формально-уведомительный контроль, то белорусское законодательство реализует модель превентивно-разрешительного фильтра.

Формально-уведомительный контроль в Российской Федерации включает в себя подтверждение полномочий миссионера действовать от имени религиозной организации (удостоверение миссионера), обязательную маркировку распространяемых материалов и соблюдение территориальных ограничений. При несоблюдении данных требований наступает административная ответственность, предусмотренная частями 3, 4 и 5 статьи 5.26 КоАП РФ (в виде штрафов, конфискации немаркированной литературы, а для иностранных граждан — выдворения за пределы страны)⁴.

В свою очередь, превентивно-разрешительный фильтр в Республике Беларусь направлен на предотвращение нежелательной религиозной активности еще до ее начала. Ключевыми элементами здесь выступают обязательная государственная религиоведческая экспертиза ввозимой литературы, сложная процедура согласования деятельности иностранных миссионеров и жесткая привязка любой религиозной деятельности к зарегистрированным культовым зданиям.

Данное фундаментальное различие в подходах порождает диаметрально противоположное регулирование схожих ситуаций. Проанализируем правоприменительную практику в данной сфере.

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (здесь и далее – КоАП РФ) // СПС КонсультантПлюс.

Проблема идентификации субъекта миссионерской деятельности и разграничение с частным свидетельством о вере

Ключевой вопрос, который возникает при анализе законодательства о миссионерской деятельности, — это разграничение между частным свидетельством о вере и организованной миссией от имени религиозного объединения. Иными словами, где проходит граница между исполнением долга любого христианина и деятельностью, требующей специального правового оформления? Рассмотрим, как этот вопрос решается в рамках правовых систем двух стран.

Ключевой проблемой правоприменения является разграничение понятия «миссионерская деятельность» и права гражданина на распространение своих убеждений. Представим ситуацию: верующий человек на улице или в общественном месте рассказывает о Боге и приглашает собеседника на богослужение. Как это квалифицируется в двух правовых системах?

Рассматривая данный вопрос применительно к Российской Федерации, необходимо прежде всего обратиться к конституционной основе. Право на распространение религиозных убеждений закреплено в статье 28 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания, включая право «свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»⁵. Как указывает Н. С. Семенова, именно эта норма является первичной конституционной гарантией: право на распространение религиозных убеждений «включено, прежде всего, в право на свободу совести и вероисповедания», тогда как статья 29 Конституции, гарантирующая свободу мысли и слова, дополняет эту гарантию, но не подменяет её⁶.

После принятия ФЗ № 374 от 06.07.2016, дополнившего ФЗ № 125⁷ новой главой III.1 «Миссионерская деятельность», правоприменители на местах столкнулись с проблемой корректной квалификации

5 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс. Ст. 28.

6 Семенова Н. С. Правовое регулирование миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Российской Федерации // Праксис. 2024. № 3 (16). С. 19.

7 Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (здесь и далее — ФЗ № 125) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

соответствующих действий граждан. Суды общей юрисдикции нередко ошибочно квалифицировали личное свидетельство о вере как миссионерскую деятельность, требующую документальных полномочий от религиозной организации⁸. Данная проблема получила освещение в правовой литературе. А. А. Исаева, анализируя складывавшуюся практику, отмечала, что к административной ответственности за незаконную миссионерскую деятельность привлекались преимущественно «представители немногочисленных и новых для России религиозных течений»⁹ — то есть именно те, для кого личное свидетельство о вере составляло неотъемлемую часть религиозной жизни. Правовая неопределённость относительно границы между конституционно защищённым распространением убеждений и регламентированной миссионерской деятельностью требовала разрешения на уровне высшей судебной инстанции.

Точку в этом вопросе поставил Конституционный Суд Российской Федерации. В Определении № 579-О от 13.03.2018 по жалобе С. Н. Степанова Суд сформулировал принципиальную правовую позицию: системообразующим признаком миссионерской деятельности является наличие специальной цели — вовлечения граждан в состав участников конкретного религиозного объединения¹⁰. Опираясь на данную позицию, Н. С. Семенова проводит чёткую правовую границу: «если православный христианин просто рассказывает о Христе, не отождествляя себя с конкретным религиозным объединением и не приглашая на встречи, то его действия не могут квалифицироваться как миссионерская деятельность в рамках ФЗ о свободе совести. В данном случае он действует в рамках гарантированного ему статьей 28 Конституции России права на распространение своих религиозных убеждений»¹¹.

Таким образом, в российской правовой системе сложилась следующая конструкция: нормы главы III.1 ФЗ № 125 регулируют исключительно

8 См., например: Постановление мирового судьи судебного участка № 16 Медведевского судебного района Республики Марий Эл от 30 августа 2016 г. по делу С. Н. Степанова, впоследствии ставшее предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ.

9 Исаева А. А. Правовое регулирование миссионерской деятельности: российские реалии и опыт стран Содружества Независимых Государств // Сравнительное Конституционное обозрение. 2017. № 3 (118). С. 38.

10 Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 статьи 24.1, пунктом 2 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

11 Семенова Н. С. Указ. соч. С. 31.

деятельность от имени религиозного объединения, тогда как личное свидетельство верующего о своей вере — реализация права, гарантированного прежде всего статьёй 28 Конституции Российской Федерации, — остаётся за пределами действия ограничительных норм.

Подход белорусского законодателя к данному вопросу в своей основе схож с российским: Конституция Республики Беларусь в статье 31 гарантирует каждому право «выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии»¹², а статья 3 Закона РБ о свободе совести определяет миссионерскую деятельность как деятельность религиозной организации, направленную на распространение вероучения среди лиц, не являющихся её участниками, с целью их вовлечения в состав организации — определение, конструктивно идентичное российскому. Равным образом статья 26 предусматривает право «иных граждан» осуществлять миссионерскую деятельность от имени организации при наличии соответствующего документа, что соответствует норме пункта 2 статьи 24.2 ФЗ № 125.

Принципиальное различие двух систем, однако, состоит не в законодательных дефинициях, а в наличии или отсутствии механизма их судебного толкования. В Российской Федерации описанная выше правовая неопределённость относительно границы между личным свидетельством и организованной миссией была окончательно устранена на уровне Конституционного Суда. В Республике Беларусь аналогичного разъяснения высшей судебной инстанции не существует. Это означает, что разграничение между конституционно защищённым правом на распространение убеждений и миссионерской деятельностью, требующей организационного оформления, в белорусском правоприменении остаётся формально неурегулированным — и тем самым зависит от усмотрения конкретного органа или должностного лица.

Данная неопределённость усугубляется более жёсткой территориальной конструкцией белорусского закона. Если российский законодатель допускает беспрепятственное осуществление миссии также на кладбищах, в крематориях и в образовательных организациях, исторически используемых для религиозных обрядов (п. 2 ст. 24.1 ФЗ № 125), то перечень мест в статье 26 Закона РБ о свободе совести этих позиций не содержит. Кроме того, запрет на осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях закреплён в белорусском законе

12 Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.) // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm). Ст. 31.

без какого-либо законодательного исключения для совершения богослужений и обрядов — в отличие от российского права, где подобное исключение прямо предусмотрено законом и дополнительно защищено позицией Конституционного Суда. В совокупности это формирует качественно иную правовую среду: не запрет частного свидетельства как такового, но существенную правовую неопределённость вокруг него при отсутствии судебного прецедента, аналогичного делу Степанова.

Пространственные пределы миссии: «квартирный вопрос» и публичные мероприятия

Еще более ярко различия проявляются в вопросе о территориальных пределах миссионерской деятельности, или так называемом «квартирном вопросе». Это одна из самых чувствительных тем для организации жизни приходов, особенно на этапе их становления, когда храм еще не построен.

В Российской Федерации установлен прямой законодательный запрет на осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях. Пункт 3 статьи 24.1 ФЗ № 125 прямо гласит: «Не допускается осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 16 настоящего Федерального закона». Данная норма дублируется в части 3 статьи 17 Жилищного кодекса РФ¹³. Однако это положение не носит абсолютно запретительного характера для религиозной жизни. Закон содержит важнейшую оговорку: запрет действует «за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 16 настоящего Федерального закона». Разъясняя данный механизм, Н. С. Семенова подчеркивает, что это исключение гарантирует верующим право на «совершение богослужений и религиозных обрядов» в жилых помещениях даже в присутствии лиц, не являющихся участниками религиозного объединения¹⁴. Иными словами, совершение священнослужителем таинств и треб на дому (например, освящение квартиры) или совместная молитва верующих квалифицируются как богослужebная, а не миссионерская деятельность. Правомерность такого подхода окончательно закрепил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14.11.2019 № 35-П (по жалобе

13 Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (далее — ЖК РФ) // СПС КонсультантПлюс.

14 Семенова Н. С. Правовое регулирование миссионерской деятельности... С. 29.

О. В. Гламоздиновой)¹⁵, признав право граждан предоставлять свои жилые дома для проведения религиозных собраний, если помещение сохраняет целевое назначение и не превращается в публичное культовое здание административного типа.

В Республике Беларусь законодатель избрал путь жесткой регламентации. Статья 26 Закона РБ о свободе совести императивно устанавливает: «Не допускается осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях». Данная норма дублируется в Жилищном кодексе РБ, который требует обязательного перевода¹⁶ жилого помещения в нежилой фонд для осуществления религиозной деятельности.

Это создает принципиально разные условия для миссии. В России приходская община может легально собираться в доме священника или прихожанина для молитвы и изучения Писания (при соблюдении ряда условий). В Республике Беларусь подобная деятельность без перевода помещения в нежилой фонд образует состав административного правонарушения — «нарушение правил пользования жилыми помещениями» (ч. 1 ст. 22.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), а проведение религиозных собраний в квартире может быть квалифицировано как нарушение законодательства о свободе вероисповеданий (ст. 10.8 КоАП РБ). Белорусская модель направлена на полную локализацию религиозной жизни исключительно в культовых зданиях, исключая «домашние группы» из легального поля.

Административный контроль оборота религиозной литературы и миссионерской деятельности иностранных граждан

Существенные различия наблюдаются и в механизмах контроля за инструментами миссии — религиозной литературой и деятельностью иностранных проповедников.

В вопросе оборота литературы Российская Федерация делает ставку на информационную прозрачность. Ключевое требование пункта 3

15 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. В. Гламоздиновой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 1.

16 Жилищный кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 428-З. Ст. 14, п. 2. // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).

статьи 17 ФЗ № 125 — обязательная маркировка. Любая книга или брошюра, распространяемая в рамках миссионерской деятельности, должна содержать полное наименование религиозной организации. Ответственность наступает за сам факт отсутствия маркировки, вне зависимости от содержания текста (как это подтверждено в Постановлении Верховного Суда РФ от 08.10.2021¹⁷).

В Республике Беларусь контроль смещен на стадию ввоза и содержания религиозной литературы. Согласно законодательству, вся ввозимая религиозная литература подлежит обязательной государственной религиоведческой экспертизе до момента ее распространения. Более того, в редакции от 2024 года Закон вводит идеологический критерий: содержание литературы не должно противоречить «идеологии общепризнанных традиционных ценностей белорусского народа» (Ст. 27, ч. 3.). Фактически, это означает введение превентивной цензуры, аналогов которой в российском законе о свободе совести нет.

На практике это приводит к парадоксальным ситуациям: одна и та же книга, издательства Московской Патриархии напечатанная в Москве, для легального распространения на территории Российской Федерации, например в Смоленске требует наклейки с названием организации, а для ввоза на территорию Республики Беларусь, например в соседний Витебск — прохождения государственной экспертизы содержания. Единое информационное пространство Церкви оказывается разделено административными барьерами.

Схожая ограничительная логика прослеживается в регулировании деятельности иностранных миссионеров, однако механизмы контроля в двух государствах имеют свою специфику.

В Российской Федерации законодатель установил строгий институциональный и пространственный фильтр. Согласно пункту 2 статьи 20 ФЗ № 125, приглашать иностранцев для миссионерской деятельности имеют право только зарегистрированные религиозные организации на основании трудового или гражданско-правового договора. При этом действует жесткий территориальный принцип: иностранец вправе осуществлять миссию исключительно на территории того субъекта РФ, где зарегистрирована пригласившая его организация (п. 3 ст. 24.2 ФЗ № 125). Срок пребывания такого лица, как правило, ограничен одним годом в рамках обыкновенной гуманитарной визы. Более того, с 2021 года введено требование об обязательной аттестации

17 Постановление Верховного Суда РФ от 08.10.2021 № 45-АД21-11-К7//СПС КонсультантПлюс.

и получении дополнительного профессионального образования: любое лицо (включая граждан РФ), получившее духовное образование за рубежом и впервые приступающее к совершению обрядов или миссии, обязано пройти курс по основам государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации (п. 5 ст. 24 ФЗ № 125).

В Республике Беларусь действует система прямого государственного санкционирования. Если в России ответственность за миссионера несет пригласившая организация, то в Беларуси иностранный священнослужитель может осуществлять деятельность только по приглашению, предварительно согласованному с Уполномоченным по делам религий и национальностей. Срок такого разрешения также ограничен одним годом и требует ежегодного переутверждения со стороны государства. Кроме того, его деятельность привязывается не к региону в целом, а к конкретным населенным пунктам и храмам, указанным в решении Уполномоченного.

Существенным отличием белорусской модели является прямое закрепление языкового ценза: согласно пункту 5 Положения, утвержденного Постановлением № 465¹⁸, приглашающее религиозное объединение обязано подтвердить владение иностранцем одним из государственных языков Республики Беларусь в объеме, необходимом для осуществления религиозной деятельности. Российское законодательство аналогичного требования не содержит: ФЗ № 125 устанавливает для иностранных миссионеров лишь обязанность пройти курс по основам государственно-конфессиональных отношений (п. 5 ст. 24), тогда как общий языковой ценз, предусмотренный миграционным законодательством (ст. 15.1 ФЗ № 115), на лиц, въезжающих в рамках гуманитарной визы для ведения религиозной деятельности, не распространяется. Таким образом, в Беларуси языковое требование выступает самостоятельным фильтром именно в сфере религиозной деятельности, тогда как в России подобный механизм в этой сфере отсутствует.

Не менее показательным является регулирование религиозных обрядов вне культовых зданий (молитвенные стояния, крестные ходы). В Российской Федерации пункт 5 статьи 16 ФЗ № 125 устанавливает,

18 Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.07.2024 № 465 «О реализации Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2023 г. № 334-З «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций»» (вместе с «Положением о порядке приглашения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь в целях занятия религиозной деятельностью») // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).

что публичные богослужения и обряды в общественных местах, требующие обеспечения общественного порядка, осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций. На этапе правоприменения данное законодательное предписание привело к тому, что органы власти зачастую стали квалифицировать любое публичное религиозное собрание как светский митинг, требуя обязательного предварительного согласования. Однако Конституционный Суд РФ сформировал принципиально иную правовую позицию по данному вопросу. В Постановлении от 05.12.2012 № 30-П, вынесенном по жалобе Уполномоченного по правам человека в РФ, Суд указал, что литургический характер действия верующих существенно отличается от политической демонстрации. Следовательно, мирное собрание верующих (например, крестный ход или молебен), которое не требует от властей принятия специальных мер по организации движения транспорта, не может быть квалифицировано как административное правонарушение исключительно по факту отсутствия формального уведомления властей¹⁹. Это устранило лишние правовые барьеры для богослужения в общественных местах.

В Республике Беларусь статья 25 Закона РБ о свободе совести относит любые обряды «под открытым небом» к мероприятиям, требующим разрешения местных властей. Правоприменительная практика 2024 года демонстрирует жесткость этого подхода:

Показательным примером является дело пастора одной из протестантских общин В. Бурштына, рассмотренное судом в ноябре 2024 года. Священнослужитель совершил таинство Крещения на озере в присутствии прихожан. Белорусский суд квалифицировал это не как богослужение, а как несанкционированное массовое мероприятие (по аналогии с митингом) и назначил существенный штраф в размере 20²⁰ базовых величин²¹. С точки зрения белорусского правоприменителя, любой

19 Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

20 Базовая величина в Беларуси (на 2024 год): 40 белорусских рублей.

Сумма штрафа: 20*40=800 белорусских рублей.

В российских рублях (по курсу ~ 29–30): Это примерно 23 000–24 000 российских рублей.

21 Ответственность предусмотрена ст. 24.23 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).

выход общины за церковную ограду — это угроза общественному порядку, требующая разрешения.

С точки зрения российского права, такое вмешательство в совершение таинства выглядело бы чрезмерным, однако белорусский законодатель последовательно реализует принцип: религия должна оставаться в стенах храма, а любой выход в публичное пространство рассматривается как массовое мероприятие.

Вместе с тем, необходимо признать, что жесткая модель превентивного контроля, реализуемая в Республике Беларусь, выполняет важную функцию защиты канонического пространства традиционных конфессий, в первую очередь — Белорусского Экзархата. Разрешительный порядок создания религиозных общин и строгий контроль за публичной деятельностью позволяют государству пресекать активность деструктивных и псевдорелигиозных структур. Показательным примером является пресечение в июле 2025 года деятельности белорусской ячейки международной псевдоправославной секты «Русская православная церковь — Царская Империя», паразитировавшей на церковной символике. Правоохранительные органы Республики Беларусь квалифицировали деятельность лидеров незарегистрированной структуры не только по антиэкстремистским статьям (ч. 1 ст. 361-1 УК РБ — создание экстремистского формирования), но и как организацию религиозной структуры, посягающей на личность и права граждан (ч. 2 ст. 193 УК РБ)²². Таким образом, императивный запрет на деятельность незарегистрированных религиозных объединений (ст. 16 Закона РБ о свободе совести) в синергии с нормами уголовного права формирует эффективный барьер против агрессивного прозелитизма, маскирующегося под традиционное Православие.

Заключение

Подводя итог сравнительному анализу, можно констатировать, что в правовых системах Российской Федерации и Республики Беларусь, несмотря на декларируемую гармонизацию законодательства в рамках Союзного государства, сложились две принципиально различные модели регулирования миссионерской деятельности, которые могут быть

22 Карелина А. В Беларуси обезвредили опасную секту «Русская православная церковь — Царская Империя» // Blizko.by: белорусский информационный портал. URL: https://blizko.by/notes/v-belarusi-obezvredili-opasnuyu-sektu-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-tsarskaya-imperiya-_vg.

охарактеризованы как формально-уведомительный контроль и превентивно-разрешительный фильтр соответственно.

Российская модель прошла путь от первоначальной правовой неопределённости к выверенному балансу между общественной безопасностью и свободой вероисповедания. Конституционный Суд Российской Федерации последовательно устранял возникавшие коллизии: разграничил организованную миссию и частное свидетельство о вере (Определение № 579-О от 13.03.2018), защитил право граждан на богослужение в частном пространстве (Постановление № 35-П от 14.11.2019) и установил, что публичные обряды верующих, не требующие специальных мер по охране порядка, не могут быть приравнены к несанкционированным массовым мероприятиям (Постановление № 30-П от 05.12.2012). В результате сложилась правоприменительная практика, в которой ограничительные нормы главы III.1 ФЗ № 125 распространяются исключительно на организованную деятельность от имени религиозного объединения, тогда как личное свидетельство о вере остаётся в сфере конституционной гарантии статьи 28.

Белорусская модель, претерпевшая существенное ужесточение в редакции 2024 года, реализует последовательно иной подход: государство осуществляет предварительный контроль религиозной деятельности до её начала, а не последующую оценку её правомерности. Это выражается в обязательной государственной религиозно-экспертной оценке ввозимой литературы с введённым идеологическим критерием её соответствия «традиционным ценностям белорусского народа» (ст. 27 Закона РБ о свободе совести), в жёсткой территориальной привязке любых обрядов к культовым зданиям, в разрешительном порядке приглашения иностранных священнослужителей с языковым цензом и привязкой к конкретным населённым пунктам (Постановление № 465 от 02.07.2024), а также в отсутствии законодательно закреплённого разграничения между организованной миссией и личным свидетельством верующего, аналогичного тому, которое в России было сформулировано Конституционным Судом. Практическим следствием этой модели является, в том числе, квалификация совершения таинств вне культового здания как несанкционированного массового мероприятия, что подтверждается делом пастора Бурштына (ноябрь 2024 года).

Вместе с тем та же жёсткость регистрационной дисциплины обеспечивает и эффективное пресечение деятельности структур, эксплуатирующих религиозную символику в противоправных целях, — что наглядно продемонстрировало дело «Царской Империи» (июль 2025 года).

Для Русской Православной Церкви, осуществляющей служение на единой канонической территории, выявленные различия формируют принципиально разные условия миссионерской деятельности: в России ключевым инструментом является правовая грамотность, позволяющая разграничить допустимое и регламентированное; в Беларуси — административное согласование, превращающее любой выход религиозной жизни за пределы культового здания в вопрос отношений с государственными органами. Понимание этих различий представляется необходимым для того, чтобы регулирование, призванное ограждать общество от деструктивных влияний, не становилось непреднамеренным препятствием для канонической миссии Церкви.

Библиография

- Исаева А. А.* Правовое регулирование миссионерской деятельности: российские реалии и опыт стран Содружества Независимых Государств // Сравнительное Конституционное обозрение. 2017. № 3 (118). С. 27–45.
- Карелина А.* В Беларуси обезвредили опасную секту «Русская православная церковь — Царская Империя» // Blizko.by: белорусский информационный портал. URL: https://blizko.by/notes/v-belarusi-obezvredili-opasnuyu-sektu-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-tsarskaya-imperiya-_vg (дата обращения: 28.08.2025).
- Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
- Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.) // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).
- Семенова Н. С.* Правовое регулирование миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Российской Федерации // Праксис. 2024. № 3 (16). С. 15–37.
- Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (в ред. Закона Республики Беларусь от 30.12.2023 № 334-3) // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).
- Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.
- Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.

- Жилищный кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 428-З (с изм. и доп.) // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).
- Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС КонсультантПлюс.
- Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 416-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина США Оссеваарде Дональда Дджеа на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»» // СПС КонсультантПлюс.
- Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 статьи 24.1, пунктом 2 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. В. Гламоздиновой» // СПС КонсультантПлюс.
- Постановление Верховного Суда РФ от 08.10.2021 № 45-АД21-11-К7 // СПС КонсультантПлюс.
- Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.07.2024 № 465 «О реализации Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2023 г. № 334-З «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций»» (вместе с «Положением о порядке приглашения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь в целях занятия религиозной деятельностью») // База данных «Законодательство стран СНГ» (SpinForm).